

кает, таким образом, в силу двух отчетливо заметных особенностей. Во-первых, это бинарность нравственного посыла (весьма активный сам по себе, он включает в себя хрестоматийные позитивные ценности и суждения наряду с негативным настроением, рожденным маргинальностью и ранним ее осознанием у персонажа-автора). И, во-вторых, – тернарность интерпретации классического кода «маленького человека»: маленький человек предстает как извечный (классически маркированный) носитель социально-психологических комплексов; как ребенок в жестоком мире взрослых; как изгой – калека. Примечательно, что для современной России, где только представители старшего (самого старшего!) поколения помнят о пиетете и романтизированном восприятии испанцев в связи с гражданской войной в Испании и появлением эвакуированных оттуда детей в СССР, аспект

специфической национальной ментальности неактуален и потому мало представлен в тексте Гальего.

Русская классика в ситуации активизации «рыночных» процессов оказалась востребованной в разных своих качествах – аутентичных текстов, объекта интерпретации в иных видах искусства, «экспортного продукта». При этом из разряда фундамента и контекста жизни она переходит в разряд «следов». Как и всякие следы, влияния классики приобретают чаще всего подсознательный характер не только для «человека массы», но и для того, кто этому человеку предлагает культурную продукцию. И, на подсознательном уровне, эти следы закрепляются прочно, обживаются органично и входят стабильной составляющей в небогатый запас повседневно необходимых и привычных маскультовских ценностей.

И.М. АНДРАМОНОВА

Исторический миф о Смуте и его бытование в художественной практике

Статья И.М. Андромоновой «Исторический миф о Смуте и его бытование в художественной практике» посвящена проблеме мифологизации исторических событий на примере историко-культурного мифа о Смутном времени, созданного писателями и историками XIX -XX веков, его современному бытованию и трансформации в общественном сознании и художественной практике.

The article by Andramonova I.M. "the Historical myth about the Distemper and its existence in the art practice" is devoted to a problem of making historical events mythologized on the example of the historical and cultural myth about Vague time created by writers and historians of XIX-XX centuries, its modern existence and transformation in public consciousness and art practice.

Влияние социокультурной ситуации на процесс создания художественного произведения – явление известное и отчасти изученное. Наименее изученным является обратная связь – влияние художественного текста на отношение массового сознания к историческим фактам, явлениям общественной и культурной жизни и их последующую оценку. Нет необходимости специально доказывать то, что большей части общества целый ряд фактов отечественной истории известен не столько по трудам профессиональных историков, сколько по историческим романам и публицистическим статьям. Художественно-образная интерпретация заведомо трансформирует, а часто еще и искажает представление о реальном историческом событии, которое затем нередко воспринимается и оценива-

ется через призму авторского сознания, превращаясь в исторический миф.

Исторический миф – своеобразное явление, которое мы рассматриваем как эмоционально окрашенное представление об исторической действительности, вымышленный образ, замещающий в сознании эту действительность [1]. Исторические мифы создаются массовым сознанием, формируя при этом определенное историческое мироощущение, социально пригодное в данных условиях и призванное формировать желаемые образцы социального поведения. Подчас исторические мифы приобретают более осязаемую конкретность, чем действительные исторические факты. Они могут способствовать сплочению народа, могут воодушевлять определенные слои населения, если реальная история, а точнее, знание о ней не может дать нужный для

этого материал. Исторический миф в гипертрофированном, наиболее выгодном либо негативном свете представляет ту социальную общность, к которой принадлежат его носители. Таким образом, исторический миф может рассматриваться как своего рода факт, например, факт исторического сознания. Он коррелирует со структурой культурных архетипов, опираясь на глубинные основы сознания.

В таком случае следует отметить: мифологизации, как правило, подвергаются переломные, наиболее значимые для последующего развития общества исторические события, харизматические личности, чья деятельность стала знаковой для своей эпохи.

Культурный опыт показывает, что исторические мифы отличаются особой устойчивостью структуры, в частности, культурных кодов, и составляют основу исторического сознания значительной части общества. Будучи продуктом и составной частью общественного сознания, они изменяются вместе с ним под воздействием множества социокультурных факторов. При этом сюжет мифа и объект мифологизации – личность или историческое событие – остаются неизменными, изменяется лишь их оценка.

Исторические мифы фиксируются на двух уровнях: устным народным творчеством и в произведениях профессиональных авторов. Гениальный художественный вымысел оказывается часто более привлекательным для читателя, нежели подтвержденная фактами историческая правда. Отсюда возможным путем создания исторического мифа становится путь субъективной интерпретации, когда на процесс рождения нового образа оказывает влияние личность, социальный статус, политические взгляды писателя. Порой, желая в иносказательной форме дать оценку современной действительности, автор обращается к уже существующим историческим мифам, интерпретируя их по-новому, в духе исторической аллюзии.

К наиболее часто и разнообразно подвергавшимся мифологизации периодам отечественной истории относится рубеж XVI–XVII веков – Смутное время. На протяжении столетий оно входило в круг тех исторических событий, к которым было обращено внимание общества.

Первые попытки осмысления причин и сути Смуты были предприняты уже современниками и участниками этой социальной трагедии. Их произведения создавались, как правило, в контексте той социальной среды, к которой они принадлежали и выражали, соответственно, ту точку зрения, которая в ней бытовала. Одним из наиболее ранних произведений о Смуте считается «Повесть о честном житии царя Фёдора», написанная патриархом Иовом в 1598 г. Цель создания данного документа не столько описать славный жизненный путь царя Фёдора, сколько показать роль соправителя при нем Бориса Годунова. Фёдор – идеальный правитель с точки зрения Иова, Борис Годунов его достойный соправитель. Часто действия Фёдора объясняются вдохновением со стороны патриарха Иова. Эта повесть, по замыслу создателя, должна была помочь в борьбе за престол Борису Годунову. После прихода к власти Василия Шуйского появляется целый ряд произведений, порочивших его предшественников, например «Повесть како отмсти» и её редакция «Повесть како восхити». Вероятно, она была создана после венчания на царство Василия Шуйского в июне – июле 1606 г. «Сказание о Гришке Отрепьеве» являлось краткой редакцией позднего компилятивного произведения – «Сказание или Повесть еже содеяся в царствующем граде Москве», дошедшего до нас в рукописях XVIII в., сочинение, созданное во время прихода к власти Василия Шуйского для обоснования законности свержения Самозванца и прославления Шуйского как возможного претендента на трон. Еще один источник этого периода – «Сказание о смерти Фёдора Ивановича и приходе к власти Бориса Годунова». Его отличительной чертой является подробное описание репрессий в адрес Шуйских, также подробно описаны гонения на Романовых. Причина – ненасытное властолюбие Годунова.

С приходом к власти Романовых появились произведения, доказывавшие легитимность новой династии (Хронограф 1617 г.) Вернувшийся из плена патриарх Филарет создаст своё видение событий Смутного времени. Эту точку зрения отражают такие произведения, как «Рукопись Филарета», «Повесть Катыева», «Повести Шаховского», «Словеса дней и царей И. Хворостинина», «Новый летописец», в которых делается попытка героизи-

зации Филарета и его родственников и сторонников, создается официальная версия Смуты. Как пишет В. Ульяновский, «если в XVII–XVIII в. отбирали героев Смуты, выдвигая своеобразный иконостас, то XIX век принес нечто новое – пересмотр уже избранных героев... Сразу же возникло два главных течения, которые с изменением форм и методов сохранились донныне. Официозная наука (начиная с Н.М. Карамзина) придерживалось традиционных, так сказать, канонизированных списков героев Смуты...».[2] Второе течение, с точки зрения В. Ульяновского, пыталось ниспровергнуть стереотипы, и наиболее профессионально это делал Н.И. Костомаров.

Внимание исследователей, проявлявшееся к Смуте в XIX веке, обусловлено тем, что именно в этот период общество живет ожиданием фигуры идеального правителя, который был бы способен изменить существующие порядки, дать возможность различным социальным слоям граждан участвовать в управлении государством. Важно в этой связи напомнить о полемике между Н.М. Карамзиным и М.М. Сперанским, следствием которой стало создание «Записки о древней и новой России», где Н.М. Карамзин доказывал, что монархическая власть – единственно возможная форма правления для России. Именно вопрос личности и власти, легитимности власти у Карамзина выходят на первый план при написании последних X и XI томов, посвящённых Смуте. Для современников эти проблемы крайне актуальны; так, А.С. Пушкин в письме к В.А. Жуковскому от 17 августа 1825 года писал, что последние 2 тома Н.М. Карамзина «злободневны, как свежая газета» [3].

Традиция интерпретировать взаимоотношения между властью и социумом через сравнения с историческими событиями, в данном случае – событиями Смуты (выступающей моделью социальной катастрофы), закрепились в общественном сознании, следствием чего стало появление целого ряда художественных произведений, актуализировавших отдельные эпизоды, а главное, общую атмосферу Смутного времени. Прежде всего, это «Борис Годунов» А.С. Пушкина, «Дмитрий Самозванец» Ф. Булгарина, «Царь Фёдор Иоаннович» и «Царь Борис» А.К. Толстого, «Дмитрий самозванец» и «Василий Шуйский» А.Н. Островского. Обращение стояв-

ших на различных, подчас диаметрально противоположных идеологических позициях писателей к персонажам и ситуациям Смутного времени – это попытка рефлексии над современными им социальными, нравственными, политическими проблемами, в силу чего каждое подобное произведение воспринимается в итоге как притча-размышление или притча-предупреждение.

Именно благодаря этим произведениям заново мифологизируются исторические факты. И вот уже читатель, не являющийся профессиональным историком и далёкий от публицистической полемики XVII века, где большинство авторов так и не сошлись во мнении относительно причастности Годунова к смерти царевича Дмитрия, изначально признает царя Бориса виновным в данном преступлении только благодаря знаменитому монологу Годунова в драме А.С. Пушкина, где «... и голова кружится, и мальчики кровавые в глазах...» [4].

Миф, отражённый в художественной практике, в течение последнего столетия актуализировался в новом качестве. Своего рода «ревизия» сюжетов в позиции исторической науки XX–XXI вв. даёт основания для ремифологизации исторических событий. В последние десятилетия появился целый ряд серьёзных научных исследований, посвящённых персонажам и событиям Смутного времени, например, монографические исследования Л.Е. Морозовой, В.И. Ульяновского, в которых авторы, используя новые методы исследования источников, по-новому их интерпретируют, пересматривают традиционно сложившееся представление о деятелях и событиях Смуты. Так, Л.Е. Морозова в своем диссертационном исследовании подвергает сомнению причастность Бориса Годунова к смерти царевича Дмитрия в Угличе и другим приписываемым ему преступлениям, а также слабоумие царя Фёдор Иоанновича и наличие регентского совета при нем. «.. появление сведений о регентах Фёдора в поздних источниках можно объяснить как влиянием иностранных сочинений, так и борьбой за престол во время написания текстов...». [5] Таким образом, исторический миф о Смуте подвергается серьёзному пересмотру прежде всего в области научного знания – профессиональными историками. При этом данные научных исследований не оказывают серьёз-

ного влияния на представления о Смуте, закрепившиеся в массовом сознании.

Основные константы мифа о Смуте (и, шире, смутах разных веков), созданные в поздних публицистических произведениях XVII века, – такие как «слабоумный Фёдор», «убийца Годунов», «мученики Романовы», – продолжают своё бытование в массовой культуре и массовом сознании начала XXI века. Примером может служить публицистический очерк Э. Радзинского «Тайна Иоаннова сына» из цикла «Загадки истории». Иллюзию подлинности и наукообразности тексту Радзинского придают высказывания следующего рода «... В Историко-архивном институте я изучал следственное дело, которое привез в Москву из Углича Василий Шуйский...» [6] Однако при этом версия угличской трагедии выглядит лишь воспроизведением растиражированных исторических и литературных штампов: «...В мае 1591 года из Углича пришло ожидаемое страшное известие – погиб царевич Дмитрий. По слухам, дело обстояло так: убийство задумали приказные люди, присланные Годуновым наблюдать за хозяйством Нагих... А во всполошившейся Москве все недруги Бориса, пересказывая эту историю, твердили в один голос: он убийца...» [6].

Форма выступлений Э. Радзинского в СМИ, характер его публичных лекций – эмоциональность писательской манеры в сочетании с безапелляционностью в изложении фактов – сохраняют и закрепляют в наше время позиции исторического мифа о Смуте, зародившегося в XVII веке и начавшего свои трансформации в общественном сознании в XIX в.

Россия за свою многовековую историю пережила не одну социальную катастрофу. Смуте, как стали именовать период рубежа XVI–XVII вв., предшествовали не менее тяжёлые испытания, такие как монгольское иго и опричнина; но именно Смутное время фиксируется в общественном сознании как воплощение стереотипа отрицательно оцениваемого социального поведения, как ситуация нравственно-психологического кризиса. При-

чиной данной фиксации можно считать чувство общества вины за неоднократный неверный выбор власти. Все события Смуты её первые летописцы объясняют краткой формулировкой «за грехи наши», вследствие чего в массовом сознании укореняется представление о том, что власть монарха сакральна и любое посягательство на неё повлечёт кару, ниспосланную свыше. Возможность выбора «власти» на многие столетия табуирована в сознании.

В общественном сознании формируется и закрепляется исторический миф о событиях Смуты, а его основные положения нашли своё выражение в целом ряде художественных произведений XIX века, театральных и телевизионных постановках XIX–XX вв.

Таким образом, несмотря на попытки профессиональных историков уточнить и объективно мотивировать оценки событий и личностей основных деятелей Смутного времени, миф о Смуте существует в художественной практике и общественном сознании безотносительно к научным знаниям, каждый раз выступая в качестве определённого индикатора, мерил для оценки все новых и новых актуальных политических событий.

Библиографический список

1. Гаташов, В.В., Лубский, А.В. Что такое историческое сознание? [Текст] // История России в вопросах и ответах. Ростов н/Д., 1999. – С. 84.
2. Ульяновский, В.И. Смутное время [Текст]. – М., 2006. – С. 108.
3. Лотман, Л.М. Историко – литературный комментарий. Замысел трагедии «Борис Годунов». Ее место в контексте творчества А.С. Пушкина [Текст] // А.С. Пушкин. «Борис Годунов» / Комментарий С.А. Фомичева и Л.М. Лотман. – М., 1995. – С. 142.
4. Пушкин, А.С. Борис Годунов // Собр. соч. в 3 т. Т. 2. – М., 1986 – С. 370.
5. Морозова, Л.Е. Смутное время нач. XVII века в сочинениях русских современников [Текст]: дис. ... д-ра ист.наук. – М., 2001. – С. 8.
6. Радзинский, Э. Загадки истории [Текст]. – М., 2002. – С. 162.
7. Там же. – С. 161.